

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

«ИСТОРИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР»
ПЕТРА ЛЯЩЕНКО: неизвестные страницы обсуждения
по материалам личного фонда ученого

М.С. Лахнов

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению процесса подготовки третьего издания известного учебника советского экономического историка П.И. Лященко «История народного хозяйства СССР». В центре внимания — дискуссии 1938–1939 гг., организованные ведущими научными учреждениями, в ходе которых рецензенты — видные советские экономисты и историки — высказывали замечания по содержанию труда. Рассмотрение работы вылилось в обсуждение широкого круга тем, касавшихся как экономической истории, так и вопросов освещения истории народов СССР и теоретических проблем. На основе документов личного фонда ученого в статье реконструируется ход этой дискуссии. Материалы, анализируемые в статье, позволяют не только проследить историю книги, но также отражают институциональные и интеллектуальные процессы, протекавшие в советской историографии и шире, обществе этого времени.

Ключевые слова: советская историография, П.И. Лященко, «История народного хозяйства СССР», 1930-е гг., история идей, социальная история науки

Для цитирования: Лахнов М.С. «История народного хозяйства СССР» Петра Лященко: неизвестные страницы обсуждения по материалам личного фонда ученого // Преподаватель XXI век. 2026. № 1. Часть 2. С. 269–283. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-1-269-283

269

“HISTORY OF THE USSR NATIONAL ECONOMY” BY PYOTR LYASHCHENKO:
Unknown Pages of Discussion Based on Materials
From the Scholar’s Personal Archive

M.S. Lakhnov

Abstract. The article examines the process of preparing the third edition of the famous textbook “History of the USSR National Economy” by the Soviet economic historian P.I. Lyashchenko. It focuses on the discussions of 1938–1939, organized by leading academic institutions, during which reviewers — prominent Soviet economists and historians — commented on the work’s content. The debate encompassed a wide range

© Лахнов М.С., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

of topics, including economic history, the interpretation of the history of the peoples of the USSR, and theoretical issues. Drawing on documents from the scholar's personal archive, the article reconstructs the course of this discussion. The materials analyzed make it possible not only to trace the history of the book but also to illuminate the institutional and intellectual processes unfolding in Soviet historiography and, more broadly, in the society of that period.

Keywords: Soviet historiography, P.I. Lyashchenko, “History of the USSR National Economy”, the 1930s, history of ideas, social history of science

Cite as: Lakhnov M.S. “History of the USSR National Economy” by Pyotr Lyashchenko: Unknown Pages of Discussion Based on Materials From the Scholar’s Personal Archive. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2026, No. 1, part 2, pp. 269–283. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-1-269-283

Во второй половине 1930-х гг. отечественная высшая школа, пережившая в предыдущие десятилетия непростое время нестроений и реформ, возвращалась к привычным формам работы. 1939 год стал знаковым для советского обществоведения. Под эгидой ведущих научных институтов и университетов из печати вышли регулярные учебники: по истории СССР (под редакцией Б.Д. Грекова и С.В. Бахрушина), истории Древней Греции (автор В.С. Сергеев), Средних веков (С.Д. Сказкин и О.Л. Вайнштейн) и Нового времени (Е.В. Тарле, А.В. Ефимов, Ф.И. Нотович и В.М. Хвостов). В этом же году издательство Соцэргиз завершило работу над расширенным изданием «Истории народного хозяйства СССР» П.И. Лященко. История подготовки и издания этого труда составляет основной исследовательский интерес данной статьи.

Как отмечал биограф Лященко Е.Г. Синкевич, многочисленные обсуждения, проходившие с 1937 по 1939 г., с одной стороны, позволили дополнить книгу ценными замечаниями, поскольку в них участвовали видные экономисты и историки, с другой — сыграли роль своеобразного «пресса», действовавшего на ученого [1, с. 128]. В своем исследовании, написанном в годы перестройки, Е.Г. Синкевич, однако, не имел возможности рассмотреть эту тему подробно.

Полемика, развернувшаяся в ходе обсуждения книги, подчеркивала те проблемы, которые требовалось разрешить советской науке, в первую очередь, связанные с необходимостью конструирования связного, цельного рассказа о прошлом, который отражал бы марксистско-ленинское понимание истории и актуальный государственный заказ. Обсуждение отражало процесс формирования советской историографии как дисциплинарного института, со своими догмами, авторитетами и отверженными, формами критики и унификации. Таким образом, обращение к этому сюжету, не нашедшему достаточного освещения в историографии, представляет несомненную актуальность.

Петр Иванович Лященко прожил поистине удивительную жизнь. Дворянин, выпускник Санкт-Петербургского университета, он до революции стал деканом Томского университета и получил чин статского советника. Гражданскую войну ученый пережил в белом Ростове, где возглавлял Коммерческий институт. После победы революции он принял решение продолжить работу в стране. В будущем Лященко суждено было стать заслуженным деятелем науки и советским академиком, несмотря на то что до конца своей жизни он оставался беспартийным.

После смерти Петра Ивановича в июле 1955 г. документы, связанные с его жизнью и работой, были переданы в архив АН УССР, действительным членом которой он был избран в 1945 г. Его фонд¹ представляет собой уникальное собрание, сохранившее черновики, неопубликованные труды, стенограммы мероприятий, в которых он принимал участие, и его корреспонденцию. Среди прочего до нас дошли и материалы обсуждения главного труда экономиста — «Истории народного хозяйства СССР».

Обсуждение книги П.И. Лященко проходило в несколько этапов. При посредничестве Института экономики и издательства социально-экономической литературы были организованы очные мероприятия с участием широкого круга специалистов из разных учреждений страны. Часть совещаний с участием Лященко прошли 15, 26 и 28 ноября 1938 и 25 февраля 1939 г. Некоторые из сохранившихся стенограмм, однако, не имеют даты. Затем, отдельные участники обсуждений предоставили расширенные отзывы на работу автора, призванные помочь ему в доработке текста.

Анализ, как стенограмм, так и рецензий, показывает, что путь книги П.И. Лященко к читателю был непростым. Текст подвергался критике, однако участники обсуждения давали порой противоречивые оценки одним и тем же фрагментам, обращали внимание на разные части огромной работы, достигавшей 60 печатных листов. Некоторые участники и даже критики были знакомы с текстом лишь частично или вообще судили о нем по отзывам коллег. Обсуждение усугублялось и нервной обстановкой конца 1930-х гг., когда многие ученые попали под каток сталинских репрессий.

«История народов СССР» или «История СССР»?

За несколько лет до споров о труде экономиста советская школа получила, наконец, единый учебник по истории, который рождался с большими трудностями [2; 3]. После революции на волне борьбы со старой школой систематическое преподавание истории фактически прекратилось. Но уже в начале 1930-х гг., на фоне набравшей темп индустриализации, стало понятно, что экспериментальная школа не только не обеспечивает достаточного уровня подготовки, но и не дает выпускникам гражданского воспитания. Возвращение истории в учебные заведения становилось вопросом времени.

Необходимость написания единого учебника ставила перед авторами массу проблем, связанных с построением периодизации, сочетанием фактуры и социологических схем и изложением истории разных регионов и народов. Уже первые опыты показали, что у историков нет понимания, что от них требуется. В «Замечаниях по поводу конспекта истории СССР», разосланных членам ЦК и авторским коллективам за подписью И.В. Сталина, А.А. Жданова и С.М. Кирова, группе под руководством Н.Н. Ванага ставилось в вину, что ее участники составили конспект русской истории и не осветили историю других народов СССР. Несмотря на наметившийся в это время разворот к советскому патриотизму, трактовать эту историю все еще требовалось в деколониальном духе: по мнению критиков, авторы не отразили «аннексионистско-колониаторскую роль русского царизма, вкупе с русской буржуазией и помещиками» [4, с. 40–42].

Но уже скоро акценты начали меняться — в отзыве на новую версию учебника группы Ванага, отредактированном Сталиным, авторы критиковались уже за то, что не показали прогрессивного значения собирания русских земель, положительной роли Минина и Пожарского в преодолении Смуты, а Ломоносову и декабристам дали только

¹ ИА НБУВ. Ф. 205. Оп. 1.

уничжительные классовые характеристики [5, с. 159–164]. Подводя в 1937 г. итоги союзного конкурса учебников, жюри суммировало недочеты представленных текстов. К ним отнесли негативное отображение перехода под протекторат России Украины и Грузии, что, по мнению критиков, напротив, спасло их от поглощения Польшей, Турцией и Персией. Было реабилитировано даже раннее христианство, которое, по мнению членов комиссии, стало на Руси проводником высокой византийской культуры [6, с. 137–141]. Реагируя на замечания, А.В. Шестаков, учебник которого был признан лучшим, напишет, что историкам необходимо «пересмотреть свою старую точку зрения, которая изображала колониальную политику России как одно сплошное черное пятно в истории русского государства» [7, с. 91].

Эти факты явно демонстрировали, что в течение 1930-х гг. в политике памяти происходила реабилитация исторической России. Процесс этот, однако, был далек от завершения: революционные представления предшествовавших десятилетий сохраняли силу, а новые конвенции только формировались. Проявилось это и в обсуждении труда П.И. Лященко.

Изначально проект Лященко подразумевал, что учебник будет называться «История народного хозяйства народов СССР», однако далеко не все участники обсуждения оказались удовлетворены его наполнением. Сам автор определял проблему так: «Некоторые программы делали установку, которая была дана по учебнику для средней школы Шестакова, который пытался положить в основу хронологический характер. <...> Другие преподаватели начинают историю СССР, общую историю экономики ни более, ни менее, как с монголов и Александра Македонского. Считаю это совершенно неправильным. <...> Ведущим звеном должно быть то, что в государственном устройстве является ведущим звеном — это история РСФСР, история русская, но конечно с полным отражением всех тех многочисленных народностей, которые временами появлялись и исчезали с исторической арены, а иногда сохраняли самостоятельное существование» [8, л. 211].

272

Подход автора вызвал многочисленную критику. В.И. Пичета в своей рецензии писал, что в учебнике «дается в основном история народного хозяйства России в старой трактовке с присоединением отдельных сведений из истории народов СССР, сведений не столько экономического, сколько политического характера» [8, л. 27]. Тем не менее он допускал, что «центром в курсе должна быть экономическая история русского народа как народа ведущего <...> но так, чтобы местная история развития производительных сил все же была бы представлена отчетливо» [8, лл. 27–28].

Схожую, но более острую критику выдвинула Десницкая, представлявшая Саратовский кредитно-экономический институт. Она упрекала автора в «географизме»², предлагала сократить пространные описания природных особенностей Восточной Европы и дополнить учебник сведениями о хозяйственной жизни народов Кавказа и Средней Азии: «Мы ориентируем студента, чтобы он знал историю народов СССР. У вас получается, что славяне совершенство, а о народах Кавказа ничего не упоминается. <...> Мы не говорим о народах Закавказья до тех пор, пока они не выступают на арену истории как колония российского империализма. Получается, что Великороссия, а не история народов СССР» [8, л. 220].

² На переоценку автором природно-географических факторов обращали внимание и другие рецензенты. Как отмечал Е.Г. Синкевич, это было явным следствием осуждения «географизма» в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

И.М. Бровер в своей рецензии также отмечал, что информация об окраинах империи в книге сводится к описанию колониальной политики и «вместо истории народного хозяйства России, мы снова имеем историю русского народного хозяйства» [8, л. 241]. За свой подход автор даже удостоился от критика обвинений в «великодержавном шовинизме» [8, л. 244].

Но были и другие комментарии. Так, в ходе одного из обсуждений И.М. Михеев со ссылкой на письма Энгельса, напротив, высказал мнение, что П.И. Лященко утрирует негативное воздействие России на Среднюю Азию («где русский царизм наступает, там трава не растет» [8, л. 380]). Рецензент считал, что русские сыграли в регионе прогрессивную роль, особенно в экономике, способствовали переходу от скотоводства к земледелию. Лященко же, как ему казалось, не разделял политику царизма, экономическое влияние русского капитализма и культурный обмен между народами [8, лл. 380–381].

Обсуждение проблем учебника поднимало, таким образом, не только прагматические вопросы, но и демонстрировало столкновение разных подходов к имперской истории, которое имело место в политике памяти 1930-х гг.

Проблематика дискуссии

В ходе обсуждения черновика работы участники касались самых разных тем. Внимание привлекали как дискутировавшиеся в межвоенной историографии вопросы, так и проблемы, ставшие злободневными по политическим причинам.

Несмотря на опосредованное отношение к теме учебника, многих рецензентов не оставил равнодушными вопрос о роли варягов в становлении древнерусского государства. В.И. Пичета не только считал «норманизм» Ключевского устаревшим, но также отрицал германское влияние на славян в области сельского хозяйства («фашистскую теорию о влиянии немцев на развитие сельского хозяйства у славян» [8, л. 37]). С.Г. Струмилин в своем письме отмечал, что версия П.И. Лященко о «завоевании славян бандами варяжских купцов-разбойников и о “норманской державе” в Киевской Руси <...> одиозна и совершенно неприемлема для современного момента» и склонялся к компромиссной точке зрения о варягах как наемных защитниках, которые затем слились с местным населением [8, л. 233]. Б.Л. Маркус, комментируя письмо С.Г. Струмилина, соглашался с позицией последнего: «нельзя выступать с такой концепцией, кот. враги СССР смогут использовать против нас» [8, л. 233, об.].

Одной из важных проблем советской историографии 1930-х гг. было определение места Древней Руси в формационной схеме. Обращались к ней и участники обсуждения. П.И. Лященко, проделав эволюцию со времен первого издания своей книги, как и большинство рецензентов, не считал, что применительно к Древней Руси можно говорить о рабовладельческой формации [8, л. 212]. Интересно, что, несмотря на дискуссию, проходившую в это время в Институте истории, в ходе которой А.В. Шестаков с опорой на «Краткий курс» пытался настаивать на рабовладельческом характере древнерусского общества [9], большинство рецензентов проигнорировало доводы последнего.

Был поднят и вопрос о характере русского государства раннего нового времени. Сотрудник Харьковского института торговли Дровяников выступил с критикой Лященко, который писал об абсолютистском государстве применительно к XVIII столетию, относя его формирование к XVI в. [8, л. 222]. Дровяников определял эту ошибку

как не изжитое влияние школы Покровского, следуя за авторами известного сборника, громившими исторические построения «профессора с пикой» [10].

Обсуждение книги Лященко отразило и споры о генезисе капитализма в России, шедшие в историографии 1930-х гг. [11, с. 287–289]. Н.Л. Рубинштейн определял как капиталистический характер петровских мануфактур, обращал внимание на роль крестьян в развитии промышленности и формирование класса крестьян-фабрикантов [8, лл. 18–19]. В ходе обсуждения С.Г. Струмилин высказал мысль, что крупная промышленность с XVII в. развивалась как капиталистическая [8, л. 230]. В то же время В.К. Яцунский оценивал дореформенные фабрики с вольнонаемным трудом как флагманы капитализма, но отмечал, что основная часть рабочих, занятых на вотчинных фабриках, были крепостными [8, лл. 365–366].

Другие участники обсуждения (Дровяников, Хромов), наоборот, призывали «не переоценивать значение и роль капиталистических элементов до 1861 года» [8, л. 221] и не пытаться «отодвинуть момент возникновения капиталистической промышленности слишком далеко назад» [8, л. 354]. Эта дискуссия показывала, что советские авторы были далеки от единства в понимании базовых теоретических категорий. Спор оказался возможен в том числе в силу разного понимания капиталистического производства. Кто-то понимал его как товарное, а для кого-то же был важен характер трудовых отношений³.

Одной из важных тем межвоенной историографии был вопрос о русском финансовом капитале до революции. Дело, конечно, было не только в академическом интересе. В марксистском дискурсе степень развития капитализма была важным критерием готовности страны к социалистической революции. С другой стороны, тема состоятельности экономики старого порядка могла быть использована для легитимации советского режима. В середине 1930-х гг. возобладали второй подход. Официальные издания этого времени в красках повествовали о потере царской Россией экономического суверенитета накануне революции [13; 14]. Тем не менее дискуссии, возникшие в ходе обсуждения книги П.И. Лященко, показывают, что среди ученых это представление разделялось с оговорками.

274

Так, А.Л. Сидоров признавал проблему, но призывал избегать крайних оценок, добавляя, что ссылки на М.Б. Гольмана (тогда уже осужденного сторонника концепции денационализации отечественного капитализма) недопустимы [8, л. 237]. П.А. Хромов полагал, что П.И. Лященко переоценивает роль иностранного капитала в развитии русской промышленности и призывал демонстрировать негативные стороны: «выкачивание определенной прибавочной стоимости, то, что говорится хотя бы в учебнике, в Истории партии, что были огромные сотни миллионов рублей, которые буржуазия выкачивала из народа и все такое прочее» [8, л. 357]. Сотрудник же Минского института народного хозяйства П.А. Балабанов отмечал, что представление о том, что русский капитализм был неравноправен иностранному «пахнет народничеством». Экономист считал, что на рубеже веков национальная система финансового капитала в России уже существовала, но политика царского правительства и банков, напротив, способствовали росту зависимости от иностранного капитала [8, лл. 342–343].

Участников не оставила равнодушными и тема крепостнических пережитков. Хотя для межвоенного периода была характерна скорее недооценка пережиточных укладов

³ Эта проблема не исчезнет и в послевоенный период, когда развернутся еще более широкие дискуссии (см.: [12, с. 187–243]).

в экономике страны (подобное видение разделял, например, А.В. Шестаков), многие рецензенты высказывали противоположное мнение. Так, Бровер и Дровяников обращали внимание на то, что феодальные пережитки оказывали большое влияние на политическое и социальное устройство империи. Последний проводил мысль, что особенностью русского империализма было «преобладание военно-феодальных элементов» [8, л. 221].

В контексте обсуждения социально-экономического развития России рубежа веков возникли споры о «столыпинщине». А.Л. Сидоров считал, что нужно избегать переоценки подъема сельского хозяйства, наоборот, внимание «следует акцентировать на рутине застое, отсталости, т. е. на господстве дер. сох и дер. плуга» [8, л. 238]. С другой стороны, П.А. Балабанов отмечал, что преуменьшение влияния буржуазии по сравнению с «классом дворян и помещиков» приводит к представлению об «особом русском капитализме» [8, л. 345]. Он считал необходимым твердо подчеркнуть тот доказанный В.И. Лениным факт, что «капитализм подчинил себе деревню» [8, л. 348].

Текст автора неоднократно критиковали за «социологизм» [8, лл. 331, 353, 378], борьба с которым стала общим местом для историографии 1930-х гг. [15]. Обычно под ним понималось излишнее увлечение абстрактными теоретическими построениями вместо конкретного исторического анализа. Разные авторы, однако, зачастую вкладывали в это понятие разный смысл. Часть рецензентов считала, что в труде Лященко имеет место отрыв «истории производительных сил от исторической обстановки» (Бровер, Пажитнов, Боровой). Участники обсуждения призывали автора дополнить пособие анализом политических событий и историей классово-борьбы (восстание Степана Разина, Пугачева, Ливонская война, Петровские реформы и т. п.). Лященко возражал, подчеркивая, что пишет экономическую историю, а те же петровские реформы, по его мнению, были «не выпуклы» с точки зрения экономики [8, л. 227].

Идеологические границы и стиль дискуссии

Рецензенты критиковали П.И. Лященко и за то, что он обращался к немарксистским авторам и «неправильным» марксистам, например к Г.В. Плеханову и меньшевику Н.А. Рожкову [8, лл. 55, 217, 248]. Не обошлось и без обвинений в следовании школе Покровского [8, лл. 53, 222, 248]. И.М. Бровер даже вменил П.И. Лященко в вину то, что тот «поставил Покровского, принесшего огромный вред марксистской науке в СССР, на одну доску с Лениным и Сталиным!» [8, л. 249].

Если в 1920-х гг. было достаточно опираться на Маркса и Ленина при определенной свободе их осмысления, то конец 1930-х создавал особые условия — с реалиями репрессий, «врагами народа» и «Кратким курсом». В ходе одного из обсуждений участники обратили внимание на то, что П.И. Лященко не всегда дает ссылки на использованные материалы, однако точно цитирует работы А.Ю. Финна-Енотаевского и Н.Н. Ванага (арестованного и расстрелянного в 1937 г.). По мнению П.А. Хромова, речь шла о теориях, которые «не должны находить места». В ответ Лященко спросил, можно ли писать о них с целью критики, на что Балабанов и Хромов рекомендовали не приводить объемных цитат, «чтобы не получилось пропаганды» [8, л. 360].

Позже к вопросу о «врагах народа» вернулся и.о. директора Института экономики А.А. Арутинян («Это из работы надо вытравить. Я даже думаю, стоит ли вспоминать действительно такого «ученого» как Ванаг» [8, л. 29]). Лященко вновь задавался вопросом, можно ли приводить теории, не называя имен и указывая на ошибки, можно ли

вообще цитировать буржуазных ученых? Ответ Арутиняна хорошо передает царившую в обществе атмосферу: «Когда мы критикуем, то мы критикуем ошибки буржуазных авторов, экономистов... <...> Но разговор идет не об экономистах, не об ученых, даже буржуазных, а разговор идет о шпионах, которые прикрывались «научной» работой... <...> В таких случаях можно ли говорить о критике. Нужно разоблачать, вот что нужно делать, а не критиковать. А для того, чтобы разоблачать не нужно цитировать, зачем эта цитата. Эта цитата может превратиться в пропаганду» [8, лл. 29–30].

Интересно, что к этому времени смягчается отношение к классикам отечественной историографии [16]. П.И. Лященко не скрывал, что опирается на Сергея Соловьева и Василия Ключевского, поскольку «Маркс не обладал всей той массой материала, которую мы имеем в своем распоряжении» [8, л. 212]. Впрочем, для него они прежде всего являлись источником фактографии, а не концепций, особенно в вопросах трактовки ключевых понятий и событий.

Хотя многие участники дискуссии пытались дать содержательные замечания и внести в работу фактические поправки, особенно когда речь заходила о ранних периодах русской истории, высокой была доля буквалистской критики, направленной на толкование фраз и выведение из них неутешительных для автора обобщений.

Так, на одном из заседаний П.А. Балабанов заявил, что многие положения П.И. Лященко имеют «ошибки народнического характера» [8, л. 336]. Он отмечал, что не обвиняет Лященко в сознательном народничестве, но считал, что неточности формулировок дают основания говорить о политических ошибках: «Наличие малоземельной и некредитоспособной деревни является результатом капиталистической дифференциации. Так именно разъясняли Маркс и Ленин <...> у вас получается, что капитализм только приобщает деревню. Слабо сказано. Не приобщает, а развивает капиталистические отношения в деревне» [8, л. 346]. Выступление Балабанова растянулось на 40 минут, в течение которых он разобрал несколько страниц работы Лященко [17, лл. 59–60]. Рецензент рассуждал об уместности фраз о крестьянах, которых на рубеже веков эксплуатировали скорее помещики, чем капитал и о блестящем капиталистическом фасаде, стоявшем на слабом фундаменте, практически не касаясь фактического наполнения работы и выводов автора.

В своей рецензии И.М. Бровер указывал, что П.И. Лященко, отмечая недостаток материала по истории народного хозяйства России, отождествляет экономическую науку с буржуазными авторами, и упускает, что «в буржуазном обществе кроме буржуазии есть и пролетариат, который кровно заинтересован именно в научном понимании объективного исторического процесса и гениальные идеологи которого (Маркс, Энгельс, Ленин) сумели еще в буржуазном обществе преодолеть все препятствия и поднять экономическую науку на степень такого научного понимания» [8, л. 247]. По Брове-ру получалось, что, выражая сомнение в возможности подлинного научного познания в буржуазном обществе, Лященко «косвенно отрицает научный характер гениальных исторических работ основоположников марксизма-ленинизма, заложивших основы подлинной исторической науки задолго до Октябрьской революции» [8, л. 247].

Показательным было и выступление сотрудника Института экономики М.И. Кубани-на. Констатировав меньшевистский характер трактовки революции 1905 года в труде П.И. Лященко, рецензент перешел к вопросу о колониях, после чего разговор приобрел неожиданный поворот. Из тезиса Лященко о том, что их отсутствие послужило причи-

ной экономического отставания Германии Кубанин сделал вывод, что автор повторяет фашистские тезисы, и в его тексте присутствует «апология притязаний на колонии» [17, л. 44]. Спустя несколько фраз Кубанин перешел к национальным окраинам Российской империи, после чего Лященко был квалифицирован уже как «буржуазный националист», поскольку писал о «регрессе производительных сил» в Казахстане, Киргизии и Калмыкии после их присоединения к России [17, л. 45].

Теоретические рамки дискуссии

Ориентирами для спорщиков выступали, конечно, Маркс, Энгельс и Ленин. Доходило до комичного. Во время публичного обсуждения книги В.И. Пичета отметил, что преувеличение роли варягов позаимствовано автором из устаревшего Ключевского, на что П.И. Лященко возразил, что пассаж взят у Маркса. Замечание тут же было снято [8, л. 191]. Впрочем, даже при таком догматичном подходе, ограниченная свобода использования классического наследия сохранялась, особенно когда речь заходила о Марксе и Энгельсе. Отдельные места у классиков — в частности вопрос об азиатском способе производства — требовали, по мнению некоторых рецензентов, комментариев и разъяснений, чтобы не возникло представления, что такая формация существовала [8, л. 217]. В отношении Ленина возможности подобного толкования были более ограничены.

Он предстал абсолютным авторитетом в российской истории, чей взгляд был каноничным по целому спектру вопросов, от революции 1905 года до характера зависимости смердов, выступал единственно правильным комментатором Маркса. Особенную сложность для обсуждения представляли периоды активной деятельности В.И. Ленина: конец XIX в., революции 1905 и 1917 гг., Первая мировая война, когда им были написаны как труды, ставшие основой их концептуального осмысления, так и многие злободневные памфлеты.

О природе русского капитализма и его особенностях следовало судить именно по трудам Ленина (который, по выражению И.М. Бровера, нашел «окончательное и для марксиста совершенно бесспорное решение» [8, л. 248] вопросов о характере экономического развития России в XIX в.). Многие рецензенты фактически требовали от Лященко просто иллюстрировать сочинения «классика» дополнительным материалом. Неотражение автором того или иного ленинского положения вызывало острую критику.

Так, рецензенты неоднократно обращались к проблеме отмены крепостного права. По мнению сотрудника Куйбышевского планового института Цыбы, Лященко, говоря о предпосылках отмены крепостного права, проигнорировал замечания Ленина о Крымской войне («Ленин показал всю гнилость этой кампании, указал, что эта Крымская кампания легла всей тяжестью на рабочие массы» [8, л. 224]). Несмотря на упоминание автором роста крестьянских восстаний перед реформой, рецензент считал, что их ключевая роль не была отражена («у вас выпадает высказывание т. Сталина о том, что крестьянство ликвидировало крепостничество» [8, л. 224]). И.М. Бровер в своей критике шел еще дальше: «Мысль автора сводится к тому, что, мол, утверждение товарища Сталина надо принимать с известными ограничениями, ибо в известных условиях уничтожение крепостных отношений является результатом не революции “снизу”, а реформы “сверху”. Нечего и говорить, что мысль эта глубоко ошибочна и ничего общего не имеет с ленинским учением о двух путях развития капитализма в земледелии» [8, л. 291]).

В 1930-е гг. список классиков пополнился новыми именами, в первую очередь упоминавшегося выше И.В. Сталина. Наиболее ортодоксально настроенный И.М. Бровер считал, что «правильное построение марксистского курса истории народного хозяйства возможно лишь на основе указаний данных в историческом решении СНК СССР и ВКП(б) о преподавании гражданской истории и замечаниях товарищей Сталина, Жданова и Кирова» [8, л. 239]. Обсуждение не обошлось без привлечения и других идей вождя, в частности, революции рабов [8, л. 69]. В качестве руководства для исследователей в дискуссиях фигурировал в первую очередь «Краткий курс».

А.А. Арутинян обращал внимание участников на то, что с появлением краткого курса истории партии и постановления ЦК о пропаганде, условия для историков и экономистов изменились и «требования» к ним повысились, поэтому обстоятельная критика до печати представлялась ему крайне желательной [17, л. 16]. Текст Лященко, обсуждавшийся в ноябре 1938 г., был сдан экономистом до выхода в печати «Краткого курса». Руководитель института считал, что теперь автору было необходимо привести материал в соответствие с ним, причем не путем «механического цитирования», а «органически» [17, л. 28].

Это представление разделялось рецензентами, некоторые из которых ставили автору в вину недостаток внимания к появлению нового руководящего документа [8, л. 337]. Россовский, не читавший черновик и судивший о работе по словам других участников обсуждения, задавался вопросом, есть ли в разделе об империализме подтверждение тезиса Сталина о том, что «Россия была наиболее характерным и наиболее слабым звеном империализма» и заявлял, что без этого учебник выйти не может: «Надо помнить, что студент изучает Курс Истории партии. Тут только одними цитатами, конечно, вы не обойдетесь. Тут нужно какое-то органическое вплетение» [8, л. 226].

Наиболее последовательно критиковали Лященко за отход от сталинского взгляда на историю Бровер и Десницкая. Последняя считала, что главной методологической основой книги должен стать труд И.В. Сталина «Вопросы ленинизма», о котором ничего не было сказано [8, л. 218]. Десницкая обратила внимание на соседство в библиографии работы Лященко текстов классиков марксизма с книгами «буржуазных» авторов, что, по ее мнению, было неприемлемо [8, л. 219]. Рефреном ее критики стал недостаточно почтительный тон Лященко в отношении ленинского наследия: «Наконец, у вас при даче библиографии есть такого рода замечания: из отдельных монографий упомянуть нужно Ленина “Развитие капитализма”. Слово упомянуть мне не нравится. “Развитие капитализма в России” является основным рычагом» [8, л. 219]. Десницкая возвращалась к этому вопросу из заседания в заседание: «У автора даже имеет место ряд замечаний такого рода, что из отдельных монографий нужно упомянуть работу Ленина “Развитие капитализма в России”. Как будто бы только эта работа Ленина может быть упомянута» [17, л. 9].

Иногда обращение к Сталину и Ленину происходило даже по несущественным вопросам. Ходжаев определял «Краткий курс истории ВКП(б)» не только как «оружие исключительной силы», но и как «классический образец для всех пособий, над которыми мы сейчас работаем» [8, л. 226]. Рецензент считал, что Лященко стоило изменить структуру работы и сопроводить каждую главу тезисными выводами, как это делал Ленин.

Линии защиты и итоги дискуссии

Ответная речь П.И. Лященко была произнесена 28 ноября. Он признавал важность многих замечаний, благодарил участников и соглашался с частью критики. Однако автор не спешил переходить к уничижительной самокритике. Лященко отмечал, что некоторые рецензенты очень вольно интерпретировали текст его работы. Это приводило к навешиванию ярлыков («тут и фашисты, и троцкисты, и кого угодно» [17, л. 51]). Внимание обращалось на отдельные слова и «чуть ли не на запяты» [17, л. 60]. Речь Лященко и ее обсуждение демонстрирует, что дискуссия во многом велась по поводу выражений, и в ней часто терялась конкретика.

Автор отмечал, что важнейшие для него проблемы, советов по решению которых он ждал от участников обсуждения, поставлены так и не были. Те же, что были освещены, поднимались «в сомнительной форме, в смысле политических выводов, которые следовало бы из них сделать» [17, л. 53]. По выражению Лященко, это походило на то, «как прежде староверы делали, и как в Институте Красной профессуры делали в худшие времена, когда там занимались истолкованием не мыслей, а слов, — они называли это методом протопопа Аввакума. Такой метод совершенно непригоден для ответственной критики» [17, лл. 59–60].

Отвечая на критику И.М. Бровера, П.И. Лященко заявил, что его обвинения нужно разбирать в партийных инстанциях, что «тов. Бровер не стесняется цитированием для того, чтобы доказать то, что абсолютно не имеет места, выбрасывая и вставляя слова, которых нет и привешивает ярлыки» [17, л. 69]. Он также отверг обвинения в «социологизаторстве» и в народнических симпатиях, а переработку текста с учетом национальных историй признал с трудом реализуемой в нужные сроки.

Другой линией защиты автора стали предложения отстранить его от работы, отменить публикацию или дать ему несколько лет на переработку учебника, фактически — написание его заново. П.И. Лященко признавал, что необходимо «догматическое изложение того, что уже принято, установлено бесспорно» [17, л. 57], в то время как в его пособии этого нет, поэтому печать следует признать несвоевременной. Складывалась парадоксальная ситуация. Работа автора подверглась значительной критике, но в издании учебника существовала объективная необходимость, что неоднократно подчеркивали представители Соцэкгиза, руководство института и рядовые участники обсуждения. Выходом из положения стало предложение завершить книгу с помощью рецензентов [17, лл. 72–73].

Несмотря на критику, у пособия были и сторонники. Большинство рецензентов выступали за издание работы после сокращения и редактуры. В целом поддержал автора и А.А. Арутюнян, который отмечал собранный им материал и пересмотр ряда теоретических положений по сравнению с предыдущими изданиями книги. Арутюнян оценил объем работы, проделанной Лященко, называл его пионером (автор в дальнейшем с долей иронии употреблял этот эпитет) и крупнейшим специалистом. Несмотря на это, он признавал справедливость части критики, и замечал, что как советским экономистам нужно учиться у опытных специалистов, так и самому Лященко нужно доучиваться, чтобы овладеть марксистско-ленинской теорией и недостающим материалом [17, лл. 14–16].

Поддержку П.И. Лященко получил и от С.Г. Струмилина, который в отзыве на рецензию И.М. Бровера отмечал, что согласен с тем, что автор излишне увлекся

«социологизаторством» и не «не изжил» влияние школы Покровского, но, по его мнению, другие замечания Бровера «либо менее существенные, либо весьма дискуссионные <...> всякий, кто читал и книгу, и рецензию, легко поймет, что рецензент слишком слабо вооружен в области исторических знаний, чтобы обеспечить более плодотворную критику такой работы, как книга Лященко» [8, л. 296].

В фонде П.И. Лященко сохранилось его письмо директору Института Экономики Л.М. Гатовскому от 24.04.1941. В нем экономист, опираясь на отзыв Струмилина, выражал протест против участия Бровера в редакции очередного издания его труда. Лященко подчеркивал, что не отказывается от обсуждений, но в них должны принимать участие компетентные специалисты, которые не допускают поверхностной критики, «доходящей до литературного хулиганства и прямо до политических выпадов». Таковыми П.И. Лященко считал С.Г. Струмилина, Д.И. Розенберга, К.В. Островитянова, М.И. Боголепова, Е.Л. Грановского, И.Г. Блюмина и З.В. Атласа [8, лл. 298–299]. Анализ материалов обсуждения последующих изданий книги показывает, что его требования были удовлетворены [18; 19]. В этом же письме Лященко сообщал, что после обсуждения его книги в ноябре 1938 г. в парторганизации Института был поставлен вопрос по поводу обвинений автора со стороны М.И. Кубанина и было признано «допущение перегиба». Автор, таким образом, не только не впадал в самоуничижение, но и активно защищался, в том числе используя административный ресурс.

***

В ходе обсуждения книги П.И. Лященко нашли свое отражение сложные и противоречивые процессы, проходившие в советской историографии и политике памяти 1930-х гг.: рост дисциплинарного давления на ученых со стороны власти, выработка и закрепление советского извода марксистского понимания общества, конфликт деколонизального и государственнического видения истории, и другие. В дискуссиях проявились нелицеприятные черты времени, догматизм и чрезмерная политизация.

Интеллектуально-административный «пресс», который пришлось испытать учебнику, не прошел для него бесследно. Автор не только исправил отдельные неточности и дополнил свой труд национальными историями, но также был вынужден инкорпорировать ставшие обязательными каноны. В книге появились недостающие цитаты вождей, а текст был скорректирован в соответствии со сталинскими положениями о дореволюционной истории [20, с. 72–75; 21, с. 23–26].

Однако, как показывает эта же дискуссия, даже в таких непростых условиях ученые не всегда поддавались критике, могли защищаться публично, пусть и со значительными формальными и идейными ограничениями. Материалы обсуждения демонстрируют, что даже в тяжелое время борьбы с идеологическими уклонами у советских обществоведов оставалась, пусть ограниченная, свобода интерпретации процессов и категорий, и даже толкования классиков.

Так или иначе, судьба книги П.И. Лященко сложилась скорее удачно. После правок, которые автор вносил в работу в течение 1939 г., она наконец была издана и на долгие годы стала важнейшим пособием по отечественной экономической истории. В дальнейшем Лященко неоднократно дополнял свой труд. Можно без преувеличения сказать, что эта книга стала одним из главных дел его жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Синкевич Е.Г.* П.И. Лященко — историк народного хозяйства СССР: дис. ... канд. истор. наук. Харьков, 1990. 229 с.
2. *Дубровский А.М.* Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М., 2017. 622 с.
3. *Тихонов В.В.* Полезное прошлое: история в сталинском СССР. М., 2024. 368 с.
4. *Сталин И.В.* Соч. М., 1997. Т. 14. 366 с.
5. Проект статьи В. Быстрянского «Критические замечания об учебниках по истории СССР» // *Историю — в школу: создание первых советских учебников / под ред. В.С. Кудряшова.* М., 2008. С. 159–164.
6. Постановление Жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4 классов средней школы по истории СССР // *Историк-марксист.* 1937. № 3. С. 137–141.
7. *Шестаков А.В.* Основные проблемы учебника «Краткий курс истории СССР» // *Историк-марксист.* 1937. № 3. С. 85–98.
8. ИА НБУВ. Ф. 205. Оп. 1. Д.10. Отзывы и рецензии на работу «История русского народного хозяйства» (1927–1939).
9. *Греков Б.Д.* Была ли Киевская Русь обществом рабовладельческим // *Историк-марксист.* 1939. № 4. С. 134–143.
10. *Базилевич К.В.* «Торговый капитализм» и генезис московского самодержавия в работах М.Н. Покровского // *Против исторической концепции М.Н. Покровского.* М., 1939. Ч. 1. С. 140–171.
11. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 4. М., 1966. 854 с.
12. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 5. М., 1985. 605 с.
13. *Лазарева Е.В.* Проблема зависимости России от иностранного капитала в работах советских историков 1920 — 1950-х гг. // XII Всероссийские историко-педагогические чтения. Екатеринбург: 2008. Ч. 1. С. 178–185.
14. *Самохина Г.А.* Советская историография 1930 — середины 1960-х годов о роли России в Антанте (к истории тезиса о полукOLONиальной зависимости России от союзников) // *Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия: История. Международные отношения.* 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 425–431.
15. *Карпюк С.Г., Крих С.Б., Петрова М.С. и др.* Советская историография всеобщей истории как научное творчество. М., 2023. 224 с.
16. *Степанов А., Коротков А., Мельчин С.* Как вернули Соловьева и Ключевского: переворот в исторической науке, устроенный товарищем Сталиным // *Родина.* 2008. № 6. С. 25–28.
17. ИА НБУВ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 11. Стенограмма обсуждения книги «История народного хозяйства СССР» (1938–1939 гг.).
18. ИА НБУВ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 17. Стенограмма обсуждения книги «История народного хозяйства СССР» (1940 г.).
19. ИА НБУВ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 18. Отзывы, рецензии, стенограммы ученых советов на книгу «История народного хозяйства СССР». Т. 1–3 (1940–1953 гг.).
20. *Тарновский К.Н.* Советская историография российского империализма. М., 1964. 244 с.
21. *Бовыкин В.И.* Зарождение финансового капитала в России. М., 1967. 295 с.

REFERENCES

1. Sinkevich E.G. P.I. *Lyashchenko — istorik narodnogo khozyaistva SSSR* (dissertatsiya na soiskanie stepeni kandidata istoricheskikh nauk) [P.I. Lyashchenko — Historian of the National Economy of the USSR (PhD Thesis in History)], Kharkov, 1990, 229 p. (In Russ.)
2. Dubrovskii A.M. *Vlast' i istoricheskaya mysl' v SSSR (1930–1950-e gg.)* [Power and Historical Thought in the USSR (1930s — 1950s)], Moscow, 2017, 622 p. (In Russ.)
3. Tikhonov V.V. *Poleznoe proshloe: istoriya v stalinskom SSSR* [A Useful Past: History in Stalin's USSR], Moscow, 2024, 368 p. (In Russ.)
4. Stalin I.V. *Sochineniya* [Works], Moscow, 1997, vol. 14, 366 p. (In Russ.)
5. Proekt stat'i V. Bystryanskogo “Kriticheskie zamechaniya ob uchebnikakh po istorii SSSR” [Draft of the article by V. Bystryansky “Critical Remarks on Textbooks on the History of the USSR”], *Istoriyu — v shkolu: sozdanie pervykh sovetskikh uchebnikov* = Bringing History to School: The Creation of the First Soviet Textbooks, ed. by V.S. Kudryashov, Moscow, 2008, pp. 159–164. (In Russ.)
6. *Postanovlenie Zhyuri Pravitel'stvennoi komissii po konkursu na luchshii uchebnik dlya 3 i 4 klassov srednei shkoly po istorii SSSR* [Resolution of the Jury of the Government Commission on the Competition for the Best Textbook for Grades 3 and 4 of Secondary School on the History of the USSR], *Istoriik-marksist* = Marxist Historian, 1937, No. 3, pp. 137–141. (In Russ.)
7. Shestakov A.V. *Osnovnye problemy uchebnika “Kratkii kurs istorii SSSR”* [The Main Problems of the Textbook “A Short Course on the History of the USSR”], *Istoriik-marksist* = Marxist Historian, 1937, No. 3, pp. 85–98. (In Russ.)
8. *The Institute of Archival Studies of Vernadsky National Library of Ukraine*, fund 205, inventory 1, file 10. Reviews and critiques of the work “History of the Russian National Economy” (1927–1939). (In Russ.)
9. Grekov B.D. *Byla li Kievskaya Rus' obshchestvom rabovladel'cheskim* [Was Kievan Rus' a Slave-Owning Society?], *Istoriik-marksist* = Marxist Historian, 1939, No. 4, pp. 134–143. (In Russ.)
10. Bazilevich K.V. “*Torgovyi kapitalizm*” i genezis moskovskogo samodержaviya v rabotakh M.N. Pokrovskogo [“Commercial Capitalism” and the Genesis of Muscovite Autocracy in the Works of M.N. Pokrovsky], *Protiv istoricheskoi kontseptsii M.N. Pokrovskogo* = Against the Historical Conception of M.N. Pokrovsky, Moscow, 1939, part 1, pp. 140–171. (In Russ.)
11. *Ocherki istorii istoricheskoi nauki v SSSR* [Essays on the History of Historical Science in the USSR], vol. 4, Moscow, 1966, 854 p. (In Russ.)
12. *Ocherki istorii istoricheskoi nauki v SSSR* [Essays on the History of Historical Science in the USSR], vol. 5, Moscow, 1985, 605 p. (In Russ.)
13. Lazareva E.V. *Problema zavisimosti Rossii ot inostrannogo kapitala v rabotakh sovetskikh istorikov 1920–1950-kh gg.* [The Problem of Russia's Dependence on Foreign Capital in the Works of Soviet Historians of the 1920s — 1950s], *XII Vserossiiskie istoriko-pedagogicheskie chteniya* = The 12th All-Russian Historical and Pedagogical Readings], Yekaterinburg, 2008, part 1, pp. 178–185. (In Russ.)

14. Samokhina G.A. *Sovetskaya istoriografiya 1930 — serediny 1960-kh godov o roli Rossii v Antante (k istorii tezisa o polukolonial'noi zavisimosti Rossii ot soyuznikov)* [Soviet Historiography of the 1930s — mid-1960s on Russia's Role in the Entente (On the History of the Thesis of Russia's Semi-Colonial Dependence on its Allies)], *Izvestiya Saratovskogo universiteta, Novaya seriya, Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* = Proceedings of Saratov University, New Series, Series: History. International Relations, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 425–431. (In Russ.)
15. Karpyuk S.G., Krikh S.B., Petrova M.S., et al. *Sovetskaya istoriografiya vseobshchei istorii kak nauchnoe tvorchestvo* [Soviet Historiography of World History as a Scientific Creative Endeavor], Moscow, 2023, 224 p. (In Russ.)
16. Stepanov A., Korotkov A., Mel'chin S. *Kak vernuli Solov'eva i Klyuchevskogo: perevorot v istoricheskoi nauke, ustroennyi tovarishchem Stalinym* [How Solovyov and Klyuchevsky Were Rehabilitated: The Upheaval in Historical Science Engineered by Comrade Stalin], *Rodina* = Motherland, 2008, No. 6, pp. 25–28. (In Russ.)
17. *The Institute of Archival Studies of Vernadsky National Library of Ukraine*, fund 205, inventory 1, file 11, Transcript of the discussion of the book “History of the National Economy of the USSR” (1938–1939). (In Russ.)
18. *The Institute of Archival Studies of Vernadsky National Library of Ukraine*, fund 205, inventory 1, file 17, Transcript of the discussion of the book “History of the National Economy of the USSR” (1940). (In Russ.)
19. *The Institute of Archival Studies of Vernadsky National Library of Ukraine*, fund 205, inventory 1, file 18, Reviews, critiques, transcripts of academic councils on the book “History of the National Economy of the USSR”, vol. 1–3. (1940–1953). (In Russ.)
20. Tarnovskii K.N. *Sovetskaya istoriografiya rossiiskogo imperializma* [Soviet Historiography of Russian Imperialism], Moscow, 1964, 244 p. (In Russ.)
21. Bovykin V.I. *Zarozhdenie finansovogo kapitala v Rossii* [The Emergence of Finance Capital in Russia], Moscow, 1967, 295 p. (In Russ.)

Лакнов Михаил Сергеевич, аспирант Института всеобщей истории Российской академии наук, freonml@yandex.ru

Mikhail S. Lakhnov, PhD Post-graduate Student, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, freonml@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 12.12.2025. Принята к публикации 27.02.2026

The paper was submitted 12.12.2025. Accepted for publication 27.02.2026